

О ТАЛАНТЕ МОЛОДОМ И ДОБРОМ

12 НОЯ 1969

Правда Востока

г. Ташкент

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР

М. ЖАРОВА

В РАБОЧЕМ кабинете народного артиста СССР Михаила Жарова тихо. От пола до потолка выстроились книги. Они рассказывают о великих русских актерах: «Щепкин», «Ермолова», «Комиссаржевская», «Шалыпин», «Нежданова»...

На столе ворох приглашений, писем, напоминаний. Почта распечатана, и с разрешения хозяйки дома я с ней знакомлюсь.

Записка из Всесоюзного Дома актера, правление которого Жаров возглавляет уже много лет; телефонограмма из Малого театра. Коммунисты этого старейшего в стране театрального коллектива избрали Жарова секретарем партийной организации. Молодежная секция Театрального общества просит Жарова участвовать в диспуте, французское посольство в Москве приглашает на прием, сценаристы юбилейного фильма «Михаил Жаров рассказывает» улаживают о дне и месте встречи.

Но больше всего писем от зрителей. На одном конверте довольно странный адрес: «Москва. Деревенскому детективу. Жарову М. И.».

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КРЕДО

— В юные мои годы, — рассказывает Михаил Жаров, — путь к профессии был двояким. В так называемом высшем обществе юноши после окончания школы шли в специальные учебные заведения или в университет. А в рабочих семьях все было иначе. Прежде чем стать артистом, я был и продавцом, и печатником, и администратором, и наборщиком. Отец, проработавший печатником всю жизнь, видел меня в самых высоких своих мечтах директором типографии.

Должен сказать, что родители предоставляли мне полную свободу в выборе профессии и лишь с тревогой наблюдали за всеми моими увлечениями. Они же были моими первыми зрителями на частых дворовых спектаклях. Трудно сказать, откуда у нас, детей рабочего, была эта тяга к искусству. Одна из моих сестер стала художником по костюму, много лет работала с Эйзенштейном. И сейчас у нее как реликвия хранятся рисунки великого режиссера.

Я испытал много сомнений, прежде чем решился стать актером. Да и после того сомнений не было конца.

Итак, главной школой для Жарова стала жизнь, а главной страстью — сцена. Еще о революции, работая помощником администратора в астной опере Зимина, юный

мечтатель из-за кулис не сводил глаз с Шалыпина или Собинова в дни их гастролей, и на всю жизнь запомнил жесты, грим, миимику многих великих мастеров русской сцены.

Только в 1918 году, на втором году революции, Жаров становится наконец студентом. Его приняли в Театральную студию художественно-просветительного союза на первый курс... балетного отделения. Но поскольку студия готовила артистов для синтетического театра, его параллельно зачислили и на драматическое отделение.

В ту пору молодая Советская республика отбивалась от интервентов и белогвардейцев. Желание быть полезным привело Жарова в 1920 году на Восточный фронт гражданской войны (он выступал в труппе Первого фронтового передвижного театра), а затем — в рабочий район Москвы, в театр на Таганке, или, как тогда говорили, у Рогожской заставы. Но совсем счастливым он почувствовал себя, когда попал в большой театральный коллектив, руководимый Всеволодом Мейерхольдом.

— Жажда взять от Мейерхольда все самое лучшее заставляла относиться к театру как к школе жизни и творчества. Я считал, что для молодого актера — теория хорошо, а практика лучше: надо много играть, много пробовать, освоить и найденное проверить, и если мне что-то не удавалось в одной роли, я пробовал это в другой.

Большую профессиональную школу прошел Жаров в театрах — в Баку, в Казани, куда он уехал, чтобы поработать самостоятельно. Одна из ролей, сыгранных во втором сезоне в Баку, — Василья-Окорон в спектакле «Бронепоезд 14—69» — стала, по выражению артиста, счастливой для него: именно тогда он уверовал в себя.

— Я впервые так полно жил в роли, — говорит Михаил Иванович, — мог делать в ней все, что захочу. Мог исключить себя из обстоятельства пьесы... и все равно продолжал бы оставаться Васильей-Окорон и действовать, как он, и говорить, как он, и поступать в каждом особом случае по его природе.

Вернувшись в Москву в начале 30-х годов, уже сло-

жившийся яркий актер, полюбившийся зрителям во многих характерных ролях, Жаров встретился с Таировым, руководителем Камерного театра. Историческим спектаклем этого театра стала «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского. Роль Алексея играл Михаил Жаров. Эта его работа вызвала огромный поток хвалебных рецензий.

Удивляешься: как же сочетались в душе Жарова влюбленность в МХАТ, преклонение перед Станиславским и, с другой стороны, увлечение эксцентрическими экспериментами Мейерхольда, искусством пантомимы в спектаклях Таирова? Михаил Иванович отмечает:

— Я глубоко убежден, что в русле сценической правды — а это русло широко и емко — плодотворно могут развиваться самые разные течения. Они не только не исключают друг друга, а, наоборот, обогащаются в творческом общении. В каких бы новых и своеобразных формах ни проявлялся талант, истинный талант, он развивает искусство в целом. Я помню, как Станиславский, которому всегда было чуждо сектанство, внимательно и заинтересованно относился к творчеству Мейерхольда, Вахтангова, Таирова. Само собой разумеется, что было бы наивным буквальной перенесение методов и приемов этих художников на современную сцену. Каждое поколение вправе иметь свой театр. Но жажда творческих исканий, неустанное стремление найти наилучшую форму для выражения духа своего времени — этому у театральных мастеров двадцатых и тридцатых годов можно учиться и сейчас.

ТВОРЧЕСКИЕ СЕКРЕТЫ

В чем же сила жаровского обаяния? В одном из своих высказываний, которое относится к самым первым его шагам в театре, он выдает этот «секрет»:

— Мне самому интересно, смешно и радостно играть.

Такова природа светлого таланта артиста. Найти золотую середину, ощущение правды жизни, уловить столь тонкое и ценное в искусстве «чуть-чуть» Жарову помогло кино. Очень пригодились в кино и дар импровизации, которым щедро наделен актер,

и еще одна грань его таланта — умение свободно, естественно жить в образе.

Артиста иногда упрекают в том, что он увлекается внешней деталью, придающей роли острую характерность. Но это оправдано тем, что иная деталь помогает актеру найти нужное творческое самочувствие. Жаров говорит:

— Как только мне наводили синяк под глазом (сцена игры на бильярде в трилогии о Максиме), я испытывал какое-то особое удовольствие: бильярд, пиво, синяк, пьяный угар, Василья-полководец, на которого можно орать, — все это создавало атмосферу, где мой Дымба чувствовал себя, как рыба в воде.

С каждой новой ролью Жарову все больше удавалось направить свой темперамент в рамки образа, взятого во всех его жизненных связях и обстоятельствах.

СОВРЕМЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННОК

Любопытно, что, оглядываясь на пройденный в искусстве путь, Жаров любит говорить не о тех ролях, которые он сыграл, а о тех, которые ему хотелось бы сыграть.

— Хорошо бы попробовать себя Фальстафом или Королем Лиром, а еще лучше — сыграть бы в полную силу своего современника! Ведь есть же роли, в которых, как говорят артисты, можно кутаться. О них мечтаешь всю жизнь.

В искусстве всегда были и есть вдохновенные труженики. Жаров из этой плеяды. Его девиз — «своим искусством побеждать зло, делать жизнь лучше».

— Многие думают, — говорит он, — что моя общественная жизнь течет параллельно профессиональной. Ничего подобного. Именно конфликты жизни и проявление ее светлых сторон, все героическое, смешное, нелепое, возмутительное и трогательное, с чем сталкиваешься в жизни, поддерживает огонь творчества, помогает искусству.

Последняя из завершенных работ — роль сельского милиционера Федора Анискина в фильме «Деревенский детектив» — вдохновила актера именно этой ясной и активной гражданской позицией.

Прошло несколько месяцев, и снова актер на съемочной площадке. Отрепетированы все детали. Слышится знакомая команда:

— Свет! Начинаем новый дубль!

Изабелла ХАЗИЗОВА.